

Сяо Юй, глядя на то, как Гу Цзюэ, едва сдерживая рыдания, едва не лишается рассудка, а затем переведя взгляд на его окровавленные руки, помрачнел до предела: Ты теперь — вещь, принадлежащая мне. Кто позволил тебе, без моего ведома, калечить себя?

Гу Цзюэ, не в силах разглядеть лицо Сяо Юя, лишь слышал его голос. Он не мог поверить в услышанное: Сяо Юй сам развеял прах Хуашэна, а теперь упрекает его в том, что он сам нанес себе увечья?

Разве не Сяо Юй причинил ему самую страшную боль?

Неужели это и есть то, что он называет обязанностями наложника? Раз он стал его собственностью, то даже ранить самого себя запрещено?

Натянутая до предела струна в сознании Гу Цзюэ едва не лопнула. Однако он вспомнил про Гу Мина. Прах Хуашэна уже развеян, но Гу Мин все еще жив. Раннее, пытаясь отвлечь внимание Сяо Юя, он погубил Хуашэна, и теперь он не мог, просто не мог совершить ничего, что пошло бы против воли императора.

Весь тот беспорядок, что остался на полу, ясно давал понять: он не вынесет наказания Сяо Юя.

Губы Гу Цзюэ под золотой маской дрожали. Он не знал, как вообще находит в себе силы говорить, горло сдавило от привкуса крови — очевидно, из-за недавнего сильного волнения перед глазами плыли черные пятна. Он заставил себя придать голосу покорный тон: Слуга забыл свой долг. Прошу Ваше Величество наказать меня.

Сяо Юй внезапно сжал руку на предплечье Гу Цзюэ.

М-м... — Гу Цзюэ, застигнутый врасплох, глухо стонал от боли, но не сделал ни малейшей попытки вырваться, как и в течение всего последнего месяца.

Сяо Юй же, резко сжав руку, внезапно отпустил её. Гу Цзюэ, которого он до этого притягивал к себе, пошатнулся и рухнул на пол. Опираясь на руки, он с трудом поднялся и вновь опустился на колени перед Сяо Юем, в точности так, как делал раньше. Но теперь, со слезами на лице и сломленным взглядом, он казался ещё более жалким, чем прежде.

Голос Сяо Юя холодно прозвучал в ушах Гу Цзюэ: Я уже говорил: твоя услужливость в течение этого месяца пришлась мне не по нраву. Твоя раболепная манера вызывает во мне лишь отвращение. Гу Цзюэ, ты донельзя скучен.

Раболепная манера вызывает отвращение? Но разве не этого он сам требовал? Он желал видеть его покорным, а теперь заявляет, что это скучно?

В груди Гу Цзюэ всколыхнулась боль. Он невольно смотрел на Сяо Юя, бледный до

прозрачности: Прошу, Ваше Величество, объясните яснее. Чего именно вы хотите от слуги? Как прикажете — так и будет. Лишь скажите, и я непременно исполню.

Раньше он не был угоден Сяо Юю, а теперь, став таким, все равно вызывает лишь неприязнь. Значит, дело не в его отношении, а в самом его существовании, которое противно императору?

Отказываясь от прежнего Гу Цзюэ, от последних крупиц самоуважения, теперь он был готов расстаться и с собственной личностью. Он хотел лишь стать марионеткой: делать всё, чего пожелает Сяо Юй.

Смотря на него, Сяо Юй почувствовал, как вновь нахлынуло раздражение, подобное тому, что он испытал, узнав о побеге Гу Цзюэ: Решил играть напролом, верно? Раз я сказал, что ты скучен и жалок, ты решил стать таким до конца? Или надеешься, что этим приемом заставишь меня сжалиться? Ты думаешь, что если примешь такой вид, я проникнусь к тебе состраданием?

Гу Цзюэ горько усмехнулся про себя. Шатаж? Сострадание?

Эти два слова не имели к нему никакого отношения.

Сейчас он был искренне покорен: Слуга не смеет. Я лишь искренне хочу узнать, что именно принесет радость Вашему Величеству.

Сердце Сяо Юя вдруг болезненно сжалось. Он впился взглядом в Гу Цзюэ и, сам не зная зачем, внезапно спросил: Гу Цзюэ, ты всё еще любишь меня?

Слово любовь словно поразило Гу Цзюэ. Сяо Юй впервые задал этот вопрос, и притом в такой ситуации?

На что он рассчитывал?

Гу Цзюэ на мгновение замолчал, но Сяо Юй тут же холодно бросил: Не смей лгать! Отвечай честно!

Люблю, — произнес Гу Цзюэ.

Это единственное слово вызвало в душе Сяо Юя пожар ярости. Он с силой ударил Гу Цзюэ ногой: Врешь!

Гу Цзюэ отлетел в сторону, закашлявшись. Маска скрыла кровь, проступившую на его губах, но лицо под ней стало липким.

Перед глазами потемнело, но он из последних сил старался не потерять сознание. Он мотал головой, пытаясь понять, как угодить Сяо Юю. Да, верно, ему не нравится, когда его любят.

Тогда он ответил: Больше не люблю.

Эти слова были сказаны так же механически, как и ранее перед Сяо Чунем, не вкладывая в них ни капли чувств.

Сяо Юй был поражен этим ответом. Больше не люблю — эти три слова прозвучали куда искреннее, чем прежнее признание. Сяо Юй это почувствовал. Он не был лишен ощущений. Весь последний месяц Гу Цзюэ был послушен, но император не чувствовал той былой страсти, что прежде исходила от него. Его послушание, его забота — всё было лишь исполнением приказа. В этом не было ни следа любви. И если Гу Цзюэ говорит, что не любит, значит ли это, что он действительно разлюбил?

Тот Гу Цзюэ, для которого он был всем миром, неужели правда больше его не любит?

Сяо Юй вдруг осознал, что размышляет о чувствах Гу Цзюэ. Он ведь не должен придавать этому значения. Но после того, как он сам, поддавшись порыву, спросил об этом, он вдруг понял: ему вовсе не всё равно.

Почему его это волнует?

Когда ранее Гу Цзюэ спросил его: А если я перестану любить, это будет приемлемо?, он ответил, что его чувства не имеют никакого значения. Но действительно ли это так?

Почему, видя, что в глазах Гу Цзюэ больше нет прежней любви, он чувствует лишь растущее раздражение? Почему весь этот месяц, когда Гу Цзюэ следовал его приказам, он ощущал, что этого мало, что этого недостаточно? Познав однажды искреннюю, всепоглощающую любовь, разве можно довольствоваться фальшивой заботой, продиктованной приказом?

Гу Цзюэ спросил, чего он хочет.

В глубине души Сяо Юй знал ответ, но не мог выразить его словами. Он хотел, чтобы Гу Цзюэ служил ему так же, как в те времена, когда только попал во дворец: был внимателен к каждой мелочи, радовался его радостям и печалился его печалям. Он уже привык видеть, как Гу Цзюэ любит его, и теперь, когда этого нет, как он может принять такое холодное отчуждение? Он видел лишь фальшь, которая не могла принести ему удовлетворения.

Сяо Юй внезапно понял причину своего гневного раздражения и выпалил: Как ты можешь меня не любить?

Как только эти слова слетели с его уст, его зрачки сузились. По подбородку Гу Цзюэ медленно

поползла струйка крови, словно кто-то полоснул его ножом по горлу. Эта алая линия тянулась от подбородка вниз, к шее, а затем, не совершив больше ни единого движения, Гу Цзюэ рухнул на пол с глухим стуком. Сяо Юй беспомощно смотрел, как Гу Цзюэ падает прямо перед ним.

Гу Цзюэ?

Голос Сяо Юя прозвучал так тихо, что он сам едва его узнал. Он просто смотрел на лежащего на полу Гу Цзюэ.

Эта сцена показалась ему пугающе знакомой, напоминая о том сжавшемся от боли сердце во дворце Чжаоян.

Гу Цзюэ!

В этом крике слышался явный испуг. Сяо Юй поспешно сорвал маску с лица Гу Цзюэ. В ту же секунду его зрачки сжались: Гу Цзюэ закашлялся кровью прямо внутрь маски, и теперь половина его лица была залита алым — зрелище было поистине ужасающим.

Ван Хай! Зови лекаря!

Сяо Юй подхватил его на руки и уложил на кровать. Гу Цзюэ был без сознания, но даже в забытьи его брови были сурово сведены.

Сяо Юй смотрел на эти нахмуренные брови и машинально протянул руку. Он коснулся кончиками пальцев лба Гу Цзюэ, словно желая разгладить морщинки. Когда вошел Ван Хай, Сяо Юй будто очнулся и поспешно отдернул руку.

Он посмотрел на свои пальцы, которыми только что касался лба Гу Цзюэ, и на мгновение замер, словно зачарованный.

Лекарь прибыл очень быстро. Увидев залитого кровью Гу Цзюэ, он почувствовал, как сердце ушло в пятки, и немедленно принялся за пульс.

Ну? — голос Сяо Юя был напряжен, словно он пытался что-то сдержать.

Лекарь ответил: Господин испытал сильное душевное потрясение, из-за чего и случилась рвота кровью. — Сказав это, он быстро достал иглы. В отличие от прошлого раза, на сей раз точки для акупунктуры были не жизненно важными.

Весь последний месяц Гу Цзюэ принимал лекарства на глазах у Сяо Юя. Хотя на сердце у него было тяжело, благодаря заботе и уходу, которые были не хуже, чем у самого императора, его тело окрепло куда больше, чем месяц назад. И хотя он снова вырвал кровью, угрозы жизни, как

в прошлый раз, не было. Лекарь быстро закончил процедуру и с облегчением выдохнул.

Только он успел выдохнуть, как император заговорил снова.

Это сократит срок его жизни? — спросил Сяо Юй. Когда он задавал этот вопрос, его сердце вдруг неприятно кольнуло. Он машинально прижал руку к груди: сердце билось ровно, но при взгляде на лежащего Гу Цзюэ оно начинало ныть.

Лекарь на мгновение задумался.

Увидев его замешательство, Сяо Юй похолодел: Ты пытаешься обмануть императора?

Лекарь в страхе опустился на колени: Чахотка господина Гу изначально губительна для жизни. Когда я осматривал его месяц назад, я уже опасался, что ему осталось недолго. За этот месяц, благодаря вашей заботе, господин стал гораздо сильнее, чем прежде, но рвота кровью, безусловно, подрывает здоровье.

Лицо Сяо Юя помрачнело: Ты ранее говорил, что ему осталось не больше полугода. Это так?

Лекарь задрожал от страха: Я говорил это, основываясь на состоянии господина в тот момент во дворце Чжаоян. Теперь же, когда у него есть заботливые слуги, срок его жизни, безусловно, будет дольше.

Слова о полугоде камнем легли на сердце Сяо Юя: Больше чем полгода — это сколько? Год? Два? Десять лет?

У лекаря на лбу выступил холодный пот: Мои способности ограничены. Если... если тщательно заботиться о господине, не допускать таких сильных душевных волнений, обеспечить ему душевный покой и поддерживать лекарствами, возможно, жизнь удастся продлить.

Тщательно заботиться...

Сяо Юй смотрел на бледное лицо Гу Цзюэ: Если тщательно заботиться и сделать его счастливым, он проживет дольше?

Лекарь не мог уловить ход мыслей Сяо Юя и осторожно ответил: Еще многое зависит от его собственного желания жить. Как в прошлый раз, когда он опустил руки и был на грани смерти. Только когда Ваше Величество упомянули его семью, в нем вновь проснулась воля к жизни. Собственное стремление выжить крайне важно. Если человек сам не хочет жить, даже бессмертные не помогут.

Сяо Юй немного помолчал: Ступай.

Лекарь был рад поскорее убраться прочь и, услышав это, поспешно вышел.

Огромный Зал Цяньюань казался пустым. Раньше здесь не было этой кушетки, но ради Гу Цзюэ Сяо Юй приказал её поставить. С тех пор у него появилось новое пристрастие: ему нравилось играть с Гу Цзюэ здесь, в Зале Цяньюань. Раньше его раздражало сопротивление Гу Цзюэ, но весь этот месяц, когда тот был во всем послушен, ему, наоборот, начало нравится видеть его в неловких, смущенных ситуациях.

Поэтому он придумывал всё новые и новые способы развлечься. За этот месяц он познал Гу Цзюэ вдоль и поперек.

Если бы не Гу Цзюэ, Сяо Юй даже не подозревал бы, что обладает столь неумным желанием.

А теперь Гу Цзюэ лежал без движения. Полгода, год? Нет, его тело принадлежит ему, Сяо Юю! Он не разрешал, а значит, Гу Цзюэ не смеет умирать!

В глазах Сяо Юя бушевал шторм. Он — император, и даже если ему придется вырвать человека из рук самого Янь-вана, он это сделает!

Когда Гу Цзюэ очнулся, он чувствовал тяжесть в теле и боль в груди — это ощущение было ему до боли знакомо. Он приоткрыл глаза и обнаружил, что находится в боковой зале дворца Чжаоян.

Это место предназначалось для отдыха императора. На огромной драконьей кровати, окруженной желтыми занавесями, лежал Гу Цзюэ.

Он попытался приподняться, и это движение привлекло внимание. Послышались шаги, и кто-то отодвинул занавесь. Это был маленький евнух, совсем юный, на вид лет двенадцати-тринадцати, с тонкими чертами лица и светлой кожей. В его облике было что-то, отдаленно напоминающее Хуашэна.

Гу Цзюэ замер, не успев ничего спросить, как мальчик заговорил первым: Господин, вы очнулись!

Кто ты? — Гу Цзюэ на мгновение показалось, что он спит. Он посмотрел на свои руки, а затем на одежду. На нем больше не было форменного одеяния евнуха, лишь легкая, мягкая ткань, невероятно приятная на ощупь.

Гу Цзюэ не был лишен проницательности — ткань на нем была облачной парчой.

Даже в лучшие времена у него не было такой одежды. Но, вспоминая, как перед обмороком Сяо Юй был в ярости и приказал Ван Хаю разбить прах Хуашэна, он не мог понять, с чего бы тому вдруг одаривать его такими вещами.

Впрочем, одежда была не так важна. Прах Хуашэна...

Гу Цзюэ посмотрел на мальчика: Ты знаешь, кто забрал прах Хуашэна?

Он хотел было встать с кровати, но мальчик поддержал его: Господин, помедленнее. Вы только очнулись, лучше полежите. Что же касается того праха... он был поддельным.

Гу Цзюэ остолбенел: Что ты сказал?

Мальчик ответил: Господин Ван сказал, что тогда разбитый прах был ненастоящим. Как можно на глазах у Его Величества разбивать такое? Хотя говорят, что правитель не должен верить в суеверия, все же стоит проявлять осторожность. Поэтому то, что разбил господин Ван — не прах, а подделка из муки и пепла.

Гу Цзюэ слегка приоткрыл рот, не в силах поверить услышанному. Мальчик добавил: Разве стал бы я обманывать господина в таком деле?

Да, даже если бы это был настоящий прах, у Гу Цзюэ не было сил противостоять Сяо Юю. Значит, это правда? Ван Хай разбил подделку?

В этот момент Гу Цзюэ заплакал от счастья.

Мальчик, видя его слезы, испугался: Лекарь наказал не допускать сильных переживаний. Не плачьте, если господин Ван увидит, то наверняка доложит Его Величеству.

Гу Цзюэ стер слезы и задал мучивший его вопрос: Почему я здесь? Что произошло? И еще... — он боялся спросить, но не мог удержаться, — среди послов из Синина кто-нибудь остался во дворце?

Мальчик склонил голову, словно не понимая: После аудиенции послов в Синине сегодня во дворце будет устроен пир. О другом я не слышал. А здесь вы по приказу Его Величества. Из-за слабого здоровья лекарь велел вам отдыхать, теперь вы будете жить здесь.

Гу Цзюэ вздрогнул, не веря своим ушам: Жить здесь?

Это же боковая зала Зала Цяньюань! Хотя это и не главные покои императора, но место, по сути, равноценное второй спальне. Никто, кроме императора, здесь не жил. А теперь здесь будет жить он? И отныне всегда?

Мальчик почесал голову, глядя очень наивно: Я многого не знаю, знаю лишь, что должен прислуживать вам. Вы проспали два дня, вы голодны? Я пойду принесу еды.

Гу Цзюэ от перенесенных переживаний совсем забыл о голоде, но мальчик уже выбежал, оставив его в полном замешательстве.

Не успел он прийти в себя, как услышал шаги. Думая, что это вернулся мальчик, он хотел задать еще пару вопросов, но, подняв глаза, увидел Сяо Юя.

Сяо Юй, как император, обладал неоспоримым величием. Раньше Гу Цзюэ этого не чувствовал, потому что видел в нем лишь человека, а не монарха. Но теперь, в золотой короне и черной мантии, он казался воплощением власти. Сердце Гу Цзюэ сжалось, он поспешно сполз с кровати.

С глухим звуком он опустился на колени: Приветствую Ваше Величество.

Сяо Юй замер, украшения на его одежде звякнули. Его кулаки сжались. Вид подобострастного, охваченного страхом Гу Цзюэ был для него невыносим!

Встать! — прорычал он.

Гу Цзюэ послушно поднялся. Он решил больше не пытаться угадывать мысли Сяо Юя: раз велел встать — значит, встанет. Однако, едва он выпрямился, как Сяо Юй добавил: С сегодняшнего дня — не смей преклонять колени!

Ваше Величество? — покорно переспросил Гу Цзюэ. — Прошу, объясните яснее.

Раньше Сяо Юю нравилось, чтобы он стоял на коленях, обращаясь с ним как с домашним зверьком, глядя, когда ему вздумается. А теперь запрещает? Неужели это новая игра?

Впрочем, какая бы игра это ни была, он подчинится.

Сяо Юй, понимая, о чем подумал Гу Цзюэ, процедил сквозь зубы: Мне противно на это смотреть.

Гу Цзюэ замер. Сяо Юй обожал видеть его на коленях у своих ног, поэтому, когда они были вместе, Гу Цзюэ большую часть времени проводил именно так. Даже в постели Сяо Юй любил заставлять его коленопреклоненным. Весь этот месяц он ни разу не видел лица Сяо Юя во время близости, а теперь тот говорит, что ему противно смотреть на него в таком положении. Воистину, сердце правителя непредсказуемо.

Гу Цзюэ опустил взгляд: Слушаюсь.

Раз противно — значит, не будет вставать на колени.

Немного помолчав, Гу Цзюэ поклонился: Благодарю Ваше Величество за милость, что не позволили господину Вану разбить прах Хуашэна.

Сяо Юй оглядел его, но не увидел искренности в его глазах. Снова этот Хуашэн, раздражение нарастало: Подними голову и смотри на меня! Впредь, разговаривая со мной, не смей сутулиться и прятать глаза.

Гу Цзюэ повиновался, выпрямился и посмотрел прямо на Сяо Юя.

Они встретились взглядами в тишине комнаты. Странная атмосфера окутала их. Сяо Юй вдруг произнес: Ты говорил, что будешь делать всё, чего я пожелаю?

Гу Цзюэ кивнул: Да.

Сяо Юй с бесстрастным лицом ответил: Хорошо. Я хочу, чтобы ты, как и тогда, когда только попал во дворец, каждый день наряжался и приходил ко мне, чтобы завлечь меня. — Он сделал паузу и добавил: — И не смей больше принимать этот вид раба — тошно смотреть.

Он говорил это так естественно, словно это была самая простая просьба.

Но для Гу Цзюэ эти слова стали подобны грому среди ясного неба. Он не понимал, что происходит, но теперь, кажется, осознал замысел Сяо Юя.

Он смотрел на равнодушное лицо императора и не мог понять: как у того язык повернулся сказать такое?

Когда он убил в себе прежнего Гу Цзюэ, отказался от прошлого и стал покорным слугой, Сяо Юй вдруг заявляет, что его теперешняя покорность отвратительна, и требует вернуть всё как было?

Разбитый драгоценный нефрит уже не склеить, как бы ты его ни расставлял, а он требует прежнего вида?

Как он может снова стать таким, как был?

<http://bllate.org/book/21167/2144652>